

Наталья Демичева. Специфика редакций «Московской повести о походе Ивана III Васильевича на Новгород»	231
Алина Алексеева. Косинская редакция Жития Моисея, архиепископа Новгородского	241
Михаил Люстров, Андрей Люстров. Северные петиметры, или Позволительно ли воспитанному юноше посещать Париж?	258
Алина Бодрова. К истории замысла и текста пушкинских «Бесов»	266
Александр Кобринский. Вольф Эрлих и Николай Ильин (Нилли): вакханты и ивановский подтекст	286
Александра Пахомова. Константин Вагинов в Ленинградском Союзе поэтов	303
Варвара Васильева. Рассказ С. Д. Кржижановского «Квадратурин»: к вопросу о «коммунальном тексте» русской литературы	317
Виктор Димитриев. «Рассеянная» память в прозе В. С. Варшавского 1920–1930-х годов	325
Елена Кочегарова. Перевод как интерпретация («Три сестры» А. П. Чехова на испанском языке)	339

Тираж 500 экз.

2016 XII (3)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2016 (3)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Филадельфия, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru
<http://schoolssummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2307-5945 = Letná škola

© Авторы статей, 2016

© «Летняя школа по русской литературе», 2016

Информация об авторах

Наталья Демичева, студентка Московского государственного университета, Москва, Россия
natadem@bk.ru

Алина Алексева, студентка Московского государственного университета, Москва, Россия
alevtina.sergeevna@gmail.com

Михаил Люстров, доктор филологических наук, профессор РАН, и. о. заведующего отделом древнеславянских литератур Института мировой литературы РАН, Москва, Россия
mlustrov@mail.ru

Андрей Люстров, учащийся школы № 1210 г. Москвы, Москва, Россия
almlamalm@mail.ru

Алина Бодрова, кандидат филологических наук, старший преподаватель национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия
allinnbod@gmail.com

Александр Кобринский, доктор филологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
444-44-4@list.ru

Александра Пахомова, студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
alexandrit_94@mail.ru

Варвара Васильева, студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия
arbenin_pechorin@mail.ru

Виктор Димитриев, аспирант Института русской литературы РАН, Санкт-Петербург, Россия
ganthenbein@gmail.com

Елена Кочегарова, студентка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
kochegarovaes@gmail.com

ВИКТОР ДИМИТРИЕВ
(Санкт-Петербург)

«РАССЕЯННАЯ» ПАМЯТЬ В ПРОЗЕ В. С. ВАРШАВСКОГО 1920–1930-Х ГОДОВ

В статье рассматривается специфика функционирования воспоминания в прозе «младшего» поколения эмиграции «первой волны». На материале двух ранних рассказов В. С. Варшавского реконструируется концепция памяти в его произведениях. Делается предположение, что раскрываемая в оппозиции я — другой «рассеянная» память в прозе Варшавского наследует концепции памяти в романе Ф. М. Достоевского «Подросток».

Ключевые слова: В. С. Варшавский, «русский Монпарнас», «младшее» поколение русской эмиграции, концепция памяти, герой, Ф. М. Достоевский, роман «Подросток».

The article deals with the specifics of recollection in the prose by V. S. Varshavskii, one of the younger émigré writers. The memory conception is reconstructed basing on his two early short stories. It is assumed that the «dispersed» memory of his works is revealed in the Self — Not-Self opposition and inherits the memory conception of the novel «Adolescent» by F. M. Dostoevskii.

Key words: V. S. Varshavskii, Russian Montparnasse, younger émigré, memory conception, protagonist, F. M. Dostoevskii, the novel “Adolescent”.

Тотализация темы памяти в русской эмиграции «первой волны» 1920–1930-х годов, инициированная самой бытовой и бытийной ситуацией изгнанничества, по-разному выражалась в творчестве «старшего» и «младшего» поколений. Выдвинувшиеся на первый план литературного процесса воспоминания и мемуары,¹ охранительная политика в отношении языка, канонизация русской классической литературы были формами памятования по преимуществу «старших» литераторов. В то время как представители «младшего» поколения,

¹ О современных подходах в изучении мемуарного наследия русского зарубежья см.: Мемуары в культуре русского зарубежья: Сб. статей. М., 2010.

чувствующие давление «центрального означающего» эмиграции — памяти и долга памяти, не ощущали себя продолжателями русской идеи за рубежом, объясняя это отсутствием личных воспоминаний о России. Призыв Ф. А. Степуна, обращенный к молодому поколению писателей-эмигрантов (а конкретнее — к авторам журнала «Числа»), не замыкаться в «лирическом тлене» воспоминания «какой-нибудь <...> своей лирической березки» в ущерб «онтологической нетленности» вечной памяти о России, способной наложить шов на разрыв между прошлым и настоящим, между индивидуальным и коллективным, и связать вечность прошлого «с вечностью настоящего и будущего»,¹ бил мимо цели и во многом спровоцировал знаменитый спор о молодой эмигрантской литературе.²

В 1936 году один из главных представителей «русского Монпарнаса» и вместе с тем его летописец В. С. Варшавский резюмировал разность в отношении к прошлому «старших» и «младших». Он пишет, имея в виду «старшее» поколение: «их как бы „экстерриториальная душа“ идеально продолжает еще жить в том обществе, которое существовало в России до революции, и чем горше их теперешняя жизнь изгнанников, тем более волшебными и пленительными красками расцветают в их воображении и памяти образы той бывшей „настоящей“ жизни, в которой они были „высочествами и величествами“. Сколько эмигрантских книг вдохновлено воскресающими видениями счастья и славы того времени! Но у человека тех средних поколений, к которым принадлежит большинство „молодых“ писателей, нет даже этих воспоминаний. Даже идеально он не находится ни в каком обществе».³

Разделяемая диаспорой катастрофическая ситуация не объединяла, но формировала разрыв между поколениями,

¹ *Степун Ф. А.* Пореволуционное сознание и задача эмигрантской литературы // Новый град. 1935. № 10. С. 18–19.

² *Федякин С. Р.* Полемика о молодом поколении в контексте литературы Русского Зарубежья // Русское Зарубежье: приглашение к диалогу. Калининград, 2004. С. 19–28.

³ *Варшавский В. С.* О прозе «младших» эмигрантских писателей // Современные записки. 1936. Кн. 61. С. 410.

основанный на разном восприятии прошлого. Уже не конфликт отцов и детей они считали его центром, но переживание сиротства: «ни в каком обществе» они находились потому, что знали, как подчеркивает Ан. Алферов, «наше поколение <...> не может утешить себя даже прошлым: у нас нет прошлого». ¹ Отношения с литературными отцами оборачивались, как старались они показать, не полемикой, но вежливой растерянностью: «они не знают, о чем с ними говорить», ² и проза «отцов» для них «отдаленней, чем Пушкин». ³

Однако интенсификация сюжета воспоминания и центральное место вспоминания как творческого метода — черты прозы межвоенных десятилетий также и молодых, в терминологии русского зарубежья, Г. Газданова, Б. Поплавского, Ю. Фельзена, В. Яновского, В. Варшавского. Но если в ценностной основе богатых мнемоническими мотивами произведений И. Бунина, Б. Зайцева или И. Шмелева лежит сюжет обращения личной памяти в миф, предание, ⁴ то в центре интереса «русских монпарнасцев» обнаруживается значимость сиюминутного, личного, в перспективе антилитературного свидетельства об экзистенциальном опыте, о фиксировании разрыва с реалиями довоенного мира. Потому фикциональные автобиографические тексты молодых писателей-эмигрантов, где форма воспоминания или тема памяти не просто есть, но и декларируется, отмечены рядом устойчивых черт, по-разному объединяемых под грифом поэтики журнала «Числа» или «русского Монпарнаса», «парижской

¹ Алферов Ан. Эмигрантские будни (Доклад, прочитанный в «Зеленой Лампе») // Числа. 1933. № 9. С. 200.

² Адамович Г. В. О литературе в эмиграции // Современные записки. 1932. Кн. 50. С. 339.

³ Варшавский В. С. Несколько рассуждений об Андрэ Жиде и эмигрантском молодом человеке // Числа. 1930/31. № 4. С. 220. Варшавский для описания разрыва между поколениями использует цитату из поэмы Б. Пастернака «Девятьсот пятый год»: «Повесть наших отцов, / Точно повесть / Из века Стюартов, / Отдаленней, чем Пушкин, / И видится, / Точно во сне» (Пастернак Б. Девятьсот пятый год // Собр. соч.: В 5 т. М., 1989. Т. 1. С. 283).

⁴ Коковина Н. З., Самофалова Е. А., Степанова Н. С. Антропологический дискурс категории памяти в автобиографических текстах конца XIX — первой половины XX века. Курск, 2012.

школы», программы «человеческого документа», которым посвящены системные исследования Л. Ливака, И. Каспэ, Ю. Матвеевой, М. Рубинс.¹ Чаще всего тексты молодых писателей-эмигрантов, принадлежащих к кругу «русского Монпарнаса» или относящих себя к нему, характеризует повествование от первого лица с преобладанием автобиографического начала; в жанровом отношении это тяготение преимущественно к автодокументальным жанрам (прежде всего дневнику, исповеди). Дистанция между «я» записывающим и «я» действующим сокращается, как и между событием и рассказом о нем, вследствие чего в качестве пространства и времени выступает Париж 1920–1930-х годов, а в качестве героя — альтер-эго автора, эмигрантский молодой человек. Устойчивый герой прозы «монпарнасцев» наделяется чертами, сформированными в «поколенческих» манифестах самих представителей «младшего» поколения.

Герой прозы «русского Монпарнаса» становится манифестационным обобщением человека 1930-х годов, чей образ — равно литературный и экзистенциальный — постулируется в эссеистике Ю. Терапиано, Б. Поплавского и В. Варшавского; этого героя можно найти в произведениях Г. Газданова, С. Шаршуна, Ю. Фельзена. Эмигрантский молодой человек — это «„голый“ человек»,² существующий «ни в каком мире и ни в каком месте»,³ он «суров, серьезен, <...> нищ и наг, потому что он совестлив»,⁴ с выражением «трансцендентальной униженности»⁵ на лице. Он отказался от обобщественного успеха, наделен решимостью «выдерживать

¹ *Livak L. How It Was Done in Paris. Russian émigré literature and French modernism. Madison (Wisconsin), 2003; Каспэ И. Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы. М., 2005; Матвеева Ю. В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоэмигрантов. Екатеринбург, 2008; Rubins M. Russian Montparnasse. Transnational Writing in Interwar Paris. London, 2015.*

² *Варшавский В. С. О «герое» эмигрантской молодой литературы // Числа. 1932. № 6. С. 164.*

³ *Варшавский В. С. Несколько рассуждений об Андрэ Жиде и эмигрантском молодом человеке. С. 221.*

⁴ *Терапиано Ю. Человек 30-х годов // Числа. 1933. № 7/8. С. 212.*

⁵ *Поплавский Б. Аполлон Безобразов // Собр. соч.: В 3 т. М., 2000. Т. 2. С. 10.*

одинокость, выносить пустоту».¹ Декларируемый неуспех, «одинокость и свобода» (Г. Адамович), и отказ «жить исключительно на „обобществленной“ поверхности своей личности»² интроспективно возвращают его к себе, к «внутреннему человеку», и сам факт этого возвращения делает его соучастником в борьбе «между уничтожаемой сущностью и торжествующей общественностью».³

Усиление интроспективного анализа в ущерб внешним описаниям уводит фабулу на задний план. Процесс воспоминания, обуславливающий в прозе «младшего» поколения эмиграции экспериментальный нарратив и выраженный в так называемом «мимесисе памяти» (А. Эрл и А. Нюннинг), чаще всего инициируется чувством глубокой и неотделимой от героя-рассказчика рассеянности, в силу осознания которой рассказчик и становится опытным вспоминающим свое недавнее прошлое.

Повесть Фельзена «Обман» 1930 года начинается характерным признанием героя-повествователя: «У меня все внешнее — встречи, знакомые, распределение времени — сухое и скучное, и этим безнадежно усыпляется немногое еще живое, последние слабые мои порывания: мне не подняться даже до грустной о себе ясности, до раскаяния, хотя бы и бездейственного, до простой и бодрой человеческой теплоты».⁴

Схожим ощущением наделяет своего автобиографического героя Газданов в романе 1930 года «Вечер у Клэр»: «Это отсутствие непосредственного, немедленного отклика на все, что со мной случалось, эта невозможность сразу знать, что делать, послужили впоследствии причинами моего глубокого несчастья, душевной катастрофы, произошедшей вскоре после моей первой встречи с Клэр».⁵

Подобным переживанием объясняет герой-рассказчик Варшавского необходимость письма в повести «Амстердам»

¹ *Терапиано Ю.* Человек 30-х годов. С. 210–213.

² *Варшавский В. С.* О прозе «младших» эмигрантских писателей. С. 413.

³ *Варшавский В. С.* О «герое» эмигрантской молодой литературы. С. 167.

⁴ *Фельзен Ю.* Обман // Собр. соч.: В 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 51.

⁵ *Газданов Г.* Вечер у Клэр [1929] // Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 1. С. 79.

1938 года: «В последнее время на меня все чаще и чаще находило состояние тоски, недоумения и отчаяния. Сознавая, что я давно уже болен, я хотел вспомнить, когда это начало со мной делаться».¹

Опыт письма, в плетении которого предпринимается попытка уяснить и преодолеть эту «рассеянность», приводит авторов к «растворению» в тексте определенных концепций памяти, реконструкция которых позволила бы наметить карту поэтик «младшего» поколения писателей-эмигрантов.

Особенно красноречиво в этом смысле творчество В. С. Варшавского (1906–1978), одного из главных представителей «русского Монпарнаса». Все его немногочисленные в межвоенные годы прозаические произведения — рассказы «Шум шагов Франсуа Виллона» (1928) и «Из записок бесстыдного молодого человека» (1930) с подзаголовком «Оптимистический рассказ», а также незавершенная повесть «Уединение и праздность» (1932) и «Амстердам. Орывок из повести» (1938) — разыгрывают трагедию беспомощности, в котором пребывает объединяющий эти тексты герой (и чаще всего рассказчик), альтер-эго писателя.²

Исходной экзистенциальной ситуацией прозаических текстов Варшавского является переживание непреодолимой преграды между сновидческим и ирреальным миром героя и миром конкретного другого. Выразительным обозначением этого отчуждения может служить одна из любимых Варшавским цитат из амстердамских писем Декарта, послужившая эпиграфом к повести 1938 года «Амстердам»: «Je vais me promener tous les jours parmi la confusion d'un grand peuple, et je n'y considère pas autrement les hommes que j'y

¹ *Варшавский В. С.* Амстердам. Орывок из повести // *Круг*. 1938. № 3. С. 43.

² В данной статье я ограничиваюсь анализом первых двух рассказов Варшавского. Повести «Уединение и праздность» и «Амстердам» должны быть, как кажется, рассмотрены отдельно, поскольку первая, написанная от третьего лица, находится в более сложных отношениях с автодокументальностью, а вторая намечает переход уже к послевоенной прозе Варшавского, к повестям «Семь дней» (1950) и «Ожидание» (1972). Об эволюции поэтики и идейной структуры прозы Варшавского см.: *Хазан В.* Писатель «незамеченного поколения»: (О прозе В. С. Варшавского) // *Вторая проза*. Таллинн, 2004. С. 216–246.

vois, que ferais les arbres» (Я прогуливаюсь ежедневно среди толпы народа и рассматриваю людей, которых встречаю, не иначе, чем рассматривал бы деревья).¹ Неспособность освободиться от автоматического восприятия другого человека как вещи оставляет героя-рассказчика во власти сомнамбулических видений, формируя ряд повторяющихся мотивов: отчуждения, страха, одиночества, смерти, памяти/беспамятства.

Состояние «рассеянной» памяти, связанное в прозе Варшавского обыкновенно с невозможностью утвердить реальное присутствие другого человека, — «Он хотел и не мог вспомнить какое-то забытое объяснение и вдруг с беспокойством подумал, что никакого объяснения не было»² — ведет героя-рассказчика по лабиринту снов и видений, на территории которых можно признать действительность не-я или попытаться (до)создать какого-то внешнего персонажа (например, Франсуа Вийона или Кротоса из рассказа М. Швоба), обещающего стать тем, кого герой способен будет опознать как другого.

В первых двух рассказах трагедия памяти/беспамятства находит свое, вероятно, мнимое разрешение в эстетическом усилии, выводящем героя к переживанию чужой смерти («Шум шагов Франсуа Виллона») и к осознанию любви «живой женщины» («Из записок бесстыдного молодого человека»).

¹ *Варшавский В. С.* Амстердам. С. 43. Любопытно, что Варшавский приводит реплику из письма с купюрой, освобождая эту фразу от биографического контекста и делая ее афористичной, родственной знаменитой цитате из «Крестовых сестер» А. М. Ремизова «человек человеку бревно». Целиком в письме Декарта фраза звучит так: «Je me vais promener tous les jours parmi la confusion d'un grand peuple, avec autant de liberté et de repos que vous sauriez faire dans vos allées; et je n'y considère pas autrement les hommes que j'y vois, que je ferois les arbres qui se rencontrent en vos forêts, ou les animaux qui y paissent...» (Я прогуливаюсь ежедневно среди толпы народа, с такой же свободой и безмятежностью, что знакома вам на ваших аллеях; и я рассматриваю людей, которых встречаю, не иначе, чем рассматривал бы деревья, которые встречаются в ваших лесах, или животных, которые там пасутся) (*Descartes R. Œuvres / Publiées par V. Cousin. Paris, 1824. Vol. 6. P. 202*; здесь и далее перевод с английского и французского языков мой. — В. Д.).

² *Варшавский В. С.* Уединение и праздность // Числа. 1932. № 6. С. 56.

В дебютном рассказе «Шум шагов Франсуа Виллона» Варшавский рисует героя-рассказчика, существующего в двух планах: реальном (университетский студент, живущий в Париже и мучающийся не до конца понятными даже самому себе страхами) и ирреальном (встречи с Франсуа Вийоном на границе современного Парижа и средневекового, которые маркируются рассказчиком как единственно «настоящие»). Услышав однажды «топот ног» Вийона за своей спиной, герой приступает к созданию дополнительного фантастического текстового пространства, где Вийон наделяется чертами эмигрантского молодого человека, а сам герой начинает, особенно ближе к концу рассказа, сознавать самого себя Вийоном.¹ «Мне кажется, что ему должно быть страшно. Что он не понимает, что мир существует, и поэтому ему страшно. Он идет по улицам и боится обернуться»;² «И я знаю, что это мой крик боли и страха <а не Вийона. — В. Д.> разобьется о низкие каменные своды».³

Герою кажется: то, что он «все время помнил о Виллоне»,⁴ спасало его от «настоящей» жизни, которая раскрывалась ему только как «мучительно-остроугольная геометричность мира».⁵ И наметить преодоление «геометричности» в рассказе оказывается способна только смерть другого человека (тем не менее тоже проносящаяся в фантазии героя). Вийон мучительно вспоминает смерть королевского вербовщика, поскольку, он, «в отличие от других людей и вещей в сознании Виллона, действительно был, действительно жил».⁶ И, не являясь убийцей, поэт чувствует, как внутри

¹ Выбор Вийона в качестве носителя эмигрантской точки зрения неслучаен. М. Рубинс объясняет возможность отождествления следующим образом: «...затруднительное положение русского эмигранта проецируется на судьбу Вийона: обоих характеризуют дислокация, изгнание и бездомность, оба размышляют над иллюзорностью окружающего мира, оба переживают измененные состояния сознания» (*Rubins M. Russian Montparnasse*. P. 99).

² *Варшавский В. С.* Шум шагов Франсуа Виллона [1928] // Проза русского зарубежья. М., 2000. Т. 2. С. 180.

³ Там же. С. 185.

⁴ Там же. С. 182.

⁵ Там же. С. 181.

⁶ Там же. С. 184.

него «раздирается огромная завеса какого-то неведомого, нарушенного закона». ¹ Это простое переживание смертности (и оттого действительности) другого приходит к герою от Вийона, поэтому конец рассказа словно бы намекает на возможность вырваться из плена «я»: «Лицо Виллона искажено страхом и восторгом. Я не знаю более прекрасного лица...» ². Потерянная память здесь опознается как память о смертности не-я.

В рассказе «Из записок бесстыдного молодого человека» мнемоническая перспектива, устанавливаемая уже первыми словами «я помню», ³ не просто выведена на первый план, но представляет еще и предмет рефлексии героя. Герой-рассказчик, все тот же безымянный русский студент-эмигрант, страдает от чувства абсолютной недоступности внешнего мира внутреннему: любая попытка зафиксировать опыт восприятия в воспоминании лишь все более обнажает дробность, механистичность и геометричность мира. Герой пытается вести записи, чтобы выявить природу странной рассеянной тревоги, сопровождающей его действия, но заранее резюмирует невозможность этого: «...все равно я смогу вспомнить только мысли, слова и события, но не могу ни воскресить бывшего очарования, ни вновь пережить бывшие чувства и ощущения». ⁴ Детализированно восстановленные события — встреча и расставание с Марией, посещение лекции в университете — лишь подчеркивают процесс принципиальной фрагментации внешнего мира в восприятии героя, тенденцию мира к расщеплению и исчезновению.

Красноречивы портреты людей: «На самом деле в тот день у Марии было лицо такое же непонятное, желтое и несуществующее <...> я подумал, что не могу любить Марию, так как в ней нет ничего необычайного и она такой же человек, как и я, то есть человек, который умирает, который сделан из такого же желтого тела». ⁵ Смертность Марии

¹ Там же.

² Там же. С. 185.

³ *Варшавский В. С.* Из записок бесстыдного молодого человека. Оптимистический рассказ // Числа. 1930. № 2/3. С. 55.

⁴ Там же. С. 58.

⁵ Там же. С. 57.

вызывает у героя «равнодушие и озлобление», ведь это нарушение «какой-то очень важной условности»,¹ как и смерть королевского вербовщика в «Шуме шагов Франсуа Виллона». Однако здесь свидетельство о смертности не-я уже не способно вывести героя из сомнамбулического состояния к признанию реальности не-я, а напротив, руководит процессом превращения другого из фантазии в вещь: Мария перестала быть ему интересна.

Кубистическим, по справедливому замечанию М. Рубинс,² дроблением отмечены портреты профессора и студента. У профессора «толстые покатые плечи и красное лицо с белым клинышком бородки и орлиным носом, подпертое высоким и очень твердым воротничком. На эту голову одет огромный голый лоб, который кажется сделанным из выпуклого картона, покрытого розовой маслянистой краской, и тускло блестит отраженным светом электрических ламп».³ Фрагментированный портрет, как видим, полностью свободен от всего подверженного смерти: он лишь бутафория живого человека. Саморазоблачающее портретирование студента, «выпуклый, сверкающий глаз которого» словно «не на грунте лица, а прямо в пустоте <...> кажется какой-то самостоятельной и прекрасной вещью, каким-то чудесным и огромным драгоценным камнем»,⁴ вызывает у героя-рассказчика признание: «Я знаю, что в этом глазе сосредоточено что-то важное и большое, но не могу вспомнить, что же именно. Нужно сделать усилие, чтобы вспомнить о чем-то, в чем я таинственно соединен с этим студентом, и тогда, перестав быть только предметом моих чувственных восприятий, он станет человеком и будет постижим, но я не могу сделать этого усилия и чувствую печаль и тревогу».⁵

Тайна, сокрытая в лице другого, есть тайна его отдельно от героя существования, предполагающая личную смерть. В рассказе Варшавский дарует своему герою только «литературный» выход из этого отчуждения: творческое сопережи-

¹ Там же.

² Rubins M. Russian Montparnasse. P. 196.

³ Варшавский В. С. Из записок бесстыдного молодого человека. С. 58.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Там же. С. 62–63.

вание¹ при чтении книги М. Швоба «Vies imaginaires» словно бы возвращает герою сознание полноты прошлого, воскрешение событий памяти. После увлеченного чтения герой видит сон, в котором Мария предстает впервые как живой человек (и способный независимо от него умереть), и герой восклицает: «...меня любила живая женщина».² Теперь прошлое уже не кажется ему фрагментированным, но воскресшим в полноте времени, в полноте переживания. Для этого ему недостаточно признания смертности не-я, а необходимы уже отношения с живым человеком. В рассказе эти отношения — достояние лишь сна и фантазии, и, несмотря на то что иллюминативный опыт в концепции «русского Монпарнаса» способен обладать наибольшей достоверностью, ирония в конце рассказа Варшавского разрушает действенность охватившего героя чувства: ведь «все это продолжалось только одно мгновение».³ Потому, вероятно, рассказ назван «оптимистическим»: это самоирония по отношению к очевидному, слишком литературному выходу из затопившего героя отчаянья.⁴

Несмотря на безусловные в двух первых рассказах (и особенно последнем) прустовский и толстовский («История вчерашнего дня») след, отмечаемый М. Рубинс,⁵ возможно, наиболее пронизательной оказывается Л. В. Сыроватко, прочитавшая рассказ Варшавского под знаком реминисценций из

¹ О процессе актуализации мира другого при чтении книги М. Швоба в рассказе «Из записок бесстыдного молодого человека» см.: *Сыроватко Л. В. Ф. М. Достоевский глазами «молодого поколения» русской эмиграции (1920–1940) // Достоевский и XX век: В 2 т. М., 2007. Т. 2. С. 142–145.*

² *Варшавский В. С. Из записок бесстыдного молодого человека. С. 69.*

³ Там же. С. 70.

⁴ Л. В. Сыроватко предлагает следующее объяснение: «Однако „оптимистический“ рассказ Варшавского заканчивается не этим описанием обретенной целостности мира, а новым поворотом, новым „вдруг“ (композиция «Записок из подполья», когда следующий период выглядит как отрицание предыдущего): „все это продолжалось только одно мгновение“. Почему же рассказ назван „оптимистическим“? Возможно, потому, что из собственного опыта повествователь теперь знает: „все, что я писал — неправда“, настоящий мир, не мираж, есть; вина за его непостояние лежит не на мире, а на самом человеке» (*Сыроватко Л. В. Ф. М. Достоевский глазами «молодого поколения» русской эмиграции. С. 145*).

⁵ *Rubins M. Russian Montparnasse. P. 195–197.*

Достоевского и аллюзий на «Записки из подполья».¹ Сама стилистика рассказа подчеркивает возможность возвести генеалогию героя Варшавского к мечтателю из «Белых ночей» и подпольным молодым людям Достоевского, одержимым «внутренней потребностью» «припоминания и записывания», таким как Ипполит Терентьев или Аркадий Долгорукий. Герой Варшавского импульсивен, мнителен, может быстро менять ракурс, склонен к восклицаниям о внезапном («вдруг») изменении своего внутреннего состояния, которое обычно оказывается ложным. Он, «бесстыдный молодой человек», наиболее зависим скорее не от подпольного парадоксалиста, как предполагает Сыроватко, а от Аркадия из «Подростка» Достоевского.² И если Достоевский придумывает импульсивного подростка, решившего в процессе воспоминания установить отношения с собой в длительности и с другим через обращение к лицам восстанавливаемых в памяти персонажей записок,³ создает образ подростка, переживающего свою «случайность», то Варшавский и его альтер-эго оказываются уже как бы историческими подростками из «случайных семейств», экзистенциально переживающими трагедию беспамятства и безотцовщины. Как и Аркадий, ге-

¹ Сыроватко Л. В. Ф. М. Достоевский глазами «молодого поколения» русской эмиграции. С. 140–145.

² Сыроватко отмечает и роман «Подросток» Достоевского в качестве претекста эмигрантского варианта литературы «человеческого документа», сосредоточенной на драме субъективного воспоминания: «...из всех классиков XIX века в наибольшей мере родоначальником такой повествовательной манеры — „припоминание и записывание“ — может быть назван именно Достоевский с его интересом к форме повествования от первого лица, разработанной типологией субъектов повествования (мемуарист — Аркадий Долгорукий; автор записок — Подпольный; хроникеры «Бесов» и «Братьев Карамазовых»; наконец, максимально приближенный к биографическому автору «идеолог, критик, философ» «Дневника писателя»)» (Там же. С. 137). Однако, не касаясь сейчас того, что едва ли Аркадий может быть назван «мемуаристом», предположу, что скорее роман «Подросток», а не «Записки из подполья», будет определять горизонты текстов «младшего» поколения эмиграции, где в качестве главного героя выступает эмигрантский *молодой* человек, еще не обладающий дистанцией в 20 лет, которой обладал Подпольный парадоксалист.

³ См.: Димитриев В. М. Событие памяти в романе Достоевского «Подросток»: уровень персонажей // Достоевский и мировая культура. СПб., 2015. № 33. С. 106–120.

рой Варшавского обращается к недавнему прошлому, которое еще не успело приобрести характер завершенности. Но его первые рассказы еще только хроника все более уточненных неудач на подступах к спасительному воспоминанию, природа которого ускользает от героя, открываясь лишь как необходимость знания о смерти другого и необходимость отношения с реальным другим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Адамович Г. В.* О литературе в эмиграции // Современные записки. 1932. Кн. 50. С. 327–340.
2. *Алферов Ан.* Эмигрантские будни (Доклад, прочитанный в «Зеленой Лампе») // Числа. 1933. № 9. С. 200–206.
3. *Варшавский В. С.* Амстердам. Отрывок из повести // Круг. 1938. № 3. С. 43–75.
4. *Варшавский В. С.* Из записок бесстыдного молодого человека. Оптимистический рассказ // Числа. 1930. № 2/3. С. 55–71.
5. *Варшавский В. С.* Несколько рассуждений об Андрэ Жиде и эмигрантском молодом человеке // Числа. 1930/31. № 4. С. 216–222.
6. *Варшавский В. С.* О «герое» эмигрантской молодой литературы // Числа. 1932. № 6. С. 164–173.
7. *Варшавский В. С.* О прозе «младших» эмигрантских писателей // Современные записки. 1936. Кн. 61. С. 409–414.
8. *Варшавский В. С.* Уединение и праздность // Числа. 1932. № 6. С. 51–77.
9. *Варшавский В. С.* Шум шагов Франсуа Виллона [1928] // Проза русского зарубежья. М., 2000. Т. 2. С. 179–186.
10. *Газданов Г.* Вечер у Клэр [1929] // Собр. соч.: В 5 т. М., 2009. Т. 1. С. 37–163.
11. *Дмитриев В. М.* Событие памяти в романе Достоевского «Подросток»: уровень персонажей // Достоевский и мировая культура. СПб., 2015. № 33. С. 106–120.
12. *Каспэ И.* Искусство отсутствовать: Незамеченное поколение русской литературы. М., 2005.
13. *Кожовина Н. З., Самофалова Е. А., Степанова Н. С.* Антропологический дискурс категории памяти в автобиографических текстах конца XIX — первой половины XX века. Курск, 2012.
14. *Матвеева Ю. В.* Самосознание поколения в творчестве писателей-младоземigrants. Екатеринбург, 2008.
15. Мемуары в культуре русского зарубежья: Сб. статей. М., 2010.

16. *Пастернак Б.* Девятьсот пятый год // Собр. соч.: В 5 т. М., 1989. Т. 1. С. 281–306.
17. *Поплавский Б.* Аполлон Безобразов // Собр. соч.: В 3 т. М., 2000. Т. 2. С. 5–227.
18. *Степун Ф. А.* Пореволюционное сознание и задача эмигрантской литературы // Новый град. 1935. № 10. С. 12–29.
19. *Сыроватко Л. В.* Ф. М. Достоевский глазами «молодого поколения» русской эмиграции (1920–1940) // Достоевский и XX век: В 2 т. М., 2007. Т. 2. С. 68–177.
20. *Терапиано Ю.* Человек 30-х годов // Числа. 1933. № 7–8. С. 210–213.
21. *Федякин С. Р.* Полемика о молодом поколении в контексте литературы Русского Зарубежья // Русское Зарубежье: приглашение к диалогу. Калининград, 2004. С. 19–28.
22. *Фельзен Ю.* Обман // Собр. соч.: В 2 т. М., 2012. Т. 1. С. 51–174.
23. *Хазан В.* Писатель «незамеченного поколения» (О прозе В. С. Варшавского) // Вторая проза. Таллинн, 2004. С. 216–246.
24. *Descartes R.* Œuvres / Publiées par V. Cousin. Paris, 1824. Vol. 6.
25. *Livak L.* How It Was Done in Paris. Russian émigré literature and French modernism. Madison (Wisconsin), 2003.
26. *Rubins M.* Russian Montparnasse. Transnational Writing in Interwar Paris. London, 2015.